Парижская вѣтвь русской литературы

(Второй сборникъ «Окна»)

Есть въ трехмѣсячникѣ «Окно» нѣчто, — черта едва уловимая для разсѣяннаго взгляда, — изъ-за чего я съ нѣкоторымъ умиленіемъ поглядываю на пухлое его тѣло подъ зеленымъ одѣяломъ съ бѣлымъ узоромъ Гончаровскихъ литеръ, фамильярно его похлопываю, а то и ласково поглаживаю. Это «нѣчто» — ставшее рѣдчайшимъ на обложкѣ русской книги, магическое слово — «Парижъ». Парижъ въ эмиграціи, что Петербургъ въ Россіи: болѣе не столица. Что для Россіи Москва, то для насъ Берлинъ. Парижъ же русскій сегодня не болѣе, чѣмъ заштатный уѣздный городъ, верстахъ въ ста отъ полустанка. Берлинъ выбрасываетъ десятки названій, десятки и сотни тысячъ томовъ. Мы въ кой вѣки дали сборникъ. Въ нашемъ захолустьи тихо, такъ тихо, что, кажется, подчасъ, жизнь совершенно замерла; тихо и чисто. Такъ было и въ брошенномъ Петербургѣ; ѣзда по улицамъ прекратилась и не стало пыли, разсѣялся смрадъ комиссарскихъ автомобилей; и никогда не казался болѣе захватывающе прекраснымъ державный профиль пустынныхъ проспектовъ. Искаженный ликъ Петербурга какъ-то сурово просіялъ въ самой его агоніи. Такъ все болѣе суровымъ представляется и наше парижское уединеніе по сравненію съ многолюдной суетой Берлина. Среди насъ почти ужъ нѣтъ бѣженцевъ, тѣхъ массъ, которыхъ стихійныя силы паники или принужденія вымели за рубежъ; есть эмигранты. Тѣ изъ нихъ, что душою прилѣпились къ духу и быту страны, къ трудной и прекрасной здѣшней жизни.

Сборники «Окно» редактируются и пишутся парижанами; немногіе другіе участники — наши дорогіе гости, или, точнѣе, парижане, «поиздержавшіеся въ дорогѣ» и такъ до насъ и не доѣхавшіе: Ремизовъ, когда-то съ умиленіемъ топтавшій камни Парижа, который напоминалъ ему Таганку, Муратовъ, написавшій «Сезанна», Борисъ Зайцевъ, написавшій «Изгнаніе». Вотъ почему намъ небезразлична судьба этого начинанія; оно затрагиваетъ «патріотизмъ нашей колокольни». Да и не носитъ ли наша собственная газета на щитѣ своемъ тотъ же гербъ съ волнами Сены, осыпанной ладьей и девизомъ: Fluctuat nec mergitur?

Маскотой первой книжки «Окна», его Краснымъ солнышкомъ, была простая, какъ дыханіе, непередаваемо сердечная русская бытовая вѣщица Куприна. Закваской второго тома, придающей ему болѣе терпкій вкусъ, служитъ сказка Бунина о «Дуракѣ Емелѣ, какой вышелъ всѣхъ умнѣе». Я уже слышалъ эту сказку въ изумительномъ чтеніи самого Ивана Алексѣевича. Мнѣ показалось тогда, что въ исполненіи, интонаціяхъ и фразировкѣ неотразимый, хоть и непріятный, недобрый юморъ вещи; но и въ печати она сохранила всю характерную кривость своего сказа — и стала еще зловѣщѣй. Емеля Бунина нѣкій монументъ русской лѣни, русской косности, нѣкій винный, вихрастый и соплявый символъ темной и жестокой мужицкой стихіи, россійскій, черноземный Калибанъ. Есть однако, въ Емелѣ и сила: онъ не хочетъ по людски жить, себя трудить; и дуракъ добивается своего съ инфернальнымъ хладнокровіемъ и немалой сметкой. Тѣ силы, которыя эллинскій Гераклъ употребилъ на двѣнадцать своихъ трудовъ, русскій герой положилъ на то, чтобъ не слѣзать съ печи; это титанъ недѣланія. Самый языкъ сказки, насыщенный оборотами великорусскаго фольклора и «мѣтными» словечками, не отличенъ тѣмъ синтаксическимъ благолѣпіемъ, тѣмъ золотымъ узоромъ, которымъ прошита стилизованная проза русалій Ремизова. Самый говоръ діалоговъ сѣрый, сермяжный, съ лѣнцой, да съ растяжкой; дѣйствіе же не въ семимильныхъ Гриммовыхъ, нѣмецкихъ сапогахъ черезъ горы и моря шагаетъ, а въ дырявыхъ лаптяхъ семь верстъ киселя хлѣбаетъ.

Я отнюдь не приписываю мастеру какого-нибудь иносказательнаго намѣренія; весьма возможно, что и не слѣдуетъ отягощать толкованіями всѣхъ «невѣсомыхъ» его сказочки; но тотъ уже есть въ ней неоцѣненный смыслъ, что Россіей отъ нея несетъ, что хлѣбнымъ духомъ изъ печи.

Очерки Шмелева «Солнце мертвыхъ» отличаются кажущимся однообразіемъ и дѣйствительнымъ богатствомъ тональностей, какія свойственны формѣ *темы съ варіаціями*. Тема щемящая: неотвратимое умираніе всего живого среди вѣчной красы равнодушной природы. Крымъ при большевикахъ: рай земной, обращенный въ безысходный кругъ ада, въ чудовищный плѣнъ. Читая у Шмелева, какъ умираютъ курочка «Гершедка», клача «Лярва», я вспоминаю страшный вымыселъ жестокой фантазіи Флобера: гибель наемниковъ въ западнѣ ущелья Гопора. Но наемники для насъ Гекуба; люди же и звѣри Шмелева это тѣ, кого мы оставили тамъ. Люди и звѣри! Ибо, если мы можемъ, по привычкѣ, вмѣстить и вынести и «высылку на сѣверъ» семи офицеровъ, и «уходъ» доктора Михаила Васильевича, если умѣемъ, крѣпясь, слушать, какъ пятилѣтній Володя, получивъ полъ лепешки, кричитъ: «Ба-а-ль-шо-е!... спасибочко»!... то нѣтъ силъ читать о голодныхъ мукахъ непонимающей твари безсловесной, о смертникахъ-животныхъ. Въ повѣстяхъ ничего не происходитъ; смерть и солнце; записки путешественника, умирающаго въ безводной Сахарѣ и до послѣдняго вздоха ведущаго дневникъ своей агоніи! Записки изъ мертваго края.

«Просперицы» Муратова относятся къ тому особому и весьма соблазнительному роду произведеній, героями которыхъ являются всѣмъ намъ близкія лица знаменитыхъ вымысловъ. Такъ Лафоргъ парафразируетъ по своему исторію принца датскаго, а Жанъ Сарманъ ставитъ на сценѣ Одеона «Женитьбу Гамлета». Такъ Фабръ д'Эглантинъ, спустя сто слишкомъ лѣтъ въ своемъ «Мольеровомъ Филинтѣ» развиваетъ и оспариваетъ житейскую мудрость «Мизантропа». «Просперицы» Муратова, написанныя въ духѣ италіанскихъ новеллъ Возрожденія, вводятъ насъ въ кругъ образовъ, къ которымъ уже однажды обратился Ренанъ: въ міръ Шекспировой «Бури». Побѣдой Аріеля надъ Калибаномъ и волшебствомъ Миранды, дочери Просперо, кончается алегорическое повѣствованіе Муратова! Но не найдется ли и у Муратова болѣе скептическій, умудренный историческимъ опытомъ продолжатель, который разскажетъ намъ о завтрашнемъ днѣ реставраціи Просперидовъ, о чудесномъ спасеніи Калибана отъ неминуемой гибели и о пожомъ торжествѣ звѣря?

Мемуарная часть представлена статьей А. Ремизова, «Розанова письма», гдѣ самыя письма проложены между листками дневника; то автобіографическія записи Ремизова, гдѣ Розановъ раскрывается намъ черезъ мелочи житейскаго обихода, черезъ выразительнѣйшіе пустяки. Рядомъ, — мемуары З. Гиппіусъ о Валерія Брюсовѣ («Одержимый»), мемуары, какъ о мертвомъ. И она права; кого интересуетъ *посмертная* судьба ренегата, перваго совѣтскаго цензора изъ числа русскихъ писателей? Въ прошломъ же онъ остается одной изъ крупнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ фигуръ нашей литературной жизни. Онъ и теперь пишетъ стихи, но, словно Богъ его поразилъ за измѣну литературѣ, эти писанія мастера не только мертвы, но и неумѣлы. Такъ у покойниковъ продолжаютъ расти борода и ногти, когда жизнь въ нихъ ужъ остыла.

З. Гиппіусъ вытравливаетъ свой портретъ поэта, испепеленнаго тщеславіемъ, ядовитыми кислотами. Ненависть усугубляетъ ея зоркость. Ея очерки заслуживали бы шуточнаго эпиграфа: «Бей его, я его знаю». Чтобъ снять фотографію мы пользуемся пластинкой, чувствительной къ свѣту; Гиппіусъ же всего лучше работаетъ съ пластинками, чувствительными къ мраку.

«Странствованія по душамъ» Шестова не поддаются бѣглой парафразѣ; личность же мыслителя была у насъ предметомъ нѣсколькихъ статей. Продолжаются печатаніемъ фрагменты Д. С. Мережковскаго о Египтѣ: имъ судья богословъ или востоковѣдъ. Все же полагаю, что, вооруженный апріорнымъ знаніемъ и безгранично емкимъ словеснымъ методомъ, писатель сумѣлъ бы найти подтвержденіе своей символики пола и мистики фалла всюду, хотя бы въ Гренландіи... или Голландіи. Тотъ, кто ищетъ не истины, а подтвержденій для готовыхъ идеологическихъ схемъ, всюду найдетъ себѣ что-либо на потребу, а ненужное отмететъ.

Статья Шлецера: «Два теченія русской музыки» первая, насколько извѣстно, и весьма интересная попытка классифицировать и осмыслить сложныя явленія нашей музыкальной жизни. Дѣленіе на «субъективный» и «объективный» типъ творчества, не специфически музыкальное, а психологическое, до конца кажется намъ схематичнымъ. Но схема эта позволяетъ автору сгруппировать и освѣтить множество важнѣйшихъ явленій дотолѣ разрозненныхъ и бездомныхъ въ нашемъ сознаніи.

Стихотворная часть сборника наименѣе ярка; производитъ впечатлѣніе случайнаго подбора. Задача же поставленная себѣ М. Цетлинымъ (Амари) въ отрывкахъ изъ поэмы «Декабристы» рисуется намъ впрямь парадоксальной. Почему стремится онъ уложить свое доскональное, интимное, любовное знаніе о русскихъ людяхъ того времени въ форму просодически и ритмически пестрыхъ стихотворныхъ отрывковъ? Лирика не нуждается въ архивныхъ документахъ, героическій эпосъ требуетъ единства формы и нѣкотораго преображенія бытового матеріала, онъ не можетъ быть фамильярнымъ. Тутъ ошибка! Такая поэма и *закончена* быть не можетъ.

Андрей Левинсонъ.

Происхожденіе жизни

Откуда возникла на землѣ жизнь? Явилась ли она продуктомъ неорганическаго развитія, подобно минераламъ, образовавшимся изъ простыхъ химическихъ элементовъ и ихъ соединеній, или же она существовала вѣчно, возобновляясь и трансформируясь въ послѣдовательномъ рядѣ преемственности поколѣній организмовъ? Однимъ словомъ, *самозарожденіе*, рожденіе живыхъ организмовъ изъ «мертвой матеріи», — или *рожденіе* организмовъ организмами?

Если допустить, что жизнь существовала *вѣчно*, то приходится вмѣстѣ съ тѣмъ допустить, что жизнь не могла существовать вѣчно *на землѣ*. Ибо, во-первыхъ, сама Земля не существовала вѣчно и возникла въ процессѣ космическаго развитія. Съ другой стороны, въ исторіи Земли былъ моментъ, раньше котораго жизнь была невозможна въ силу физическихъ условій. Палеонтологія подтверждаетъ этотъ выводъ астрономіи, физики и геологіи: никакихъ слѣдовъ ископаемыхъ въ древнія геологическія эпохи, предшествующія камбрійскому періоду, не имѣется. Стало быть, жизнь явилась на Землѣ только въ извѣстный фазисъ жизни самой Земли. Откуда же она тогда явилась?

Не перенесены ли были на Землю жизненные зародыши *изъ другихъ небесныхъ тѣлъ?* Эта гипотеза дѣйствительно высказана въ 1871 году знаменитымъ англійскимъ физикомъ Кельвиномъ-Томсономъ, а до него еще Э. Рихтеромъ и анонимнымъ французскимъ авторомъ книги «Conjectures sur la réunion de la lune à la terre» (Paris, 1921). Согласно теоріи Кельвина - Томсона, зародыши пропитаніи на Землю вмѣстѣ съ *метеоритами*, странствующими въ небесномъ пространствѣ. Какъ извѣстно, въ междупланетномъ пространствѣ царитъ крайне низкая температура, близкая къ «абсолютному нулю» (273 гр. ниже нуля Цельзія). Опыты показали, что бактеріи въ жидкомъ водородѣ — (270 гр. Цельзія) не утрачиваютъ своихъ жизненныхъ свойствъ въ этомъ страшномъ холодѣ. Къ гипотезѣ Кельвина присоединился и Гельмгольцъ. Но англійскій физикъ Стоксъ указалъ на непреодолимыя трудности этой гипотезы: страшное накаливаніе метеоритовъ, при прохожденіи ими толщи земной атмосферы, не можетъ не разрушать всякихъ переносимыхъ ими зародышей жизни.

Тогда явилась новая гипотеза о перенесеніи бактерій на Землю изъ другихъ небесныхъ тѣлъ подъ дѣйствіемъ *сольтового давленія*. Максвелль, исходя изъ своей электро-магнитной теоріи свѣта, и Бартоли, исходя изъ принциповъ термодинамики, теоретически показали, что энергія свѣтового луча оказываетъ давленіе на предметы, находящіеся въ полѣ излученія. Вычисленное подобнымъ образомъ давленіе на каждый квадратный сантиметръ поверхности, само по себѣ незначительное, способно тѣмъ не менѣе произвести механическій эффектъ на маленькія тѣльца, находящіяся на пути свѣтового луча. Отталкиваніе хвостовъ кометъ, по близости Солнца, въ сторону, противоположную по отношенію къ нашему центральному свѣтилу, объясняется дѣйствіемъ солнечнаго свѣта на мельчайшую пыль, изъ которой, какъ предполагаютъ состоятъ хвосты кометъ. Теорія свѣтового давленія имѣетъ нѣкоторыя точки соприкосновенія съ «вѣсомою» свѣтовою энергіею Эйнштейна, благодаря которой лучъ, идущій отъ звѣзды, отклоняется отъ своего направленія по близости Солнца. Фактъ свѣтового давленія былъ доказанъ экспериментально русскимъ физикомъ, покойнымъ профес. московскаго университета Лебедевымъ, а потомъ и однимъ германскимъ ученымъ. Извѣстный шведскій физико-химикъ Аррениусъ, формулируя свои космогоническія теоріи, выдвинулъ гипотезу о возникновеніи жизни на Землѣ въ процессѣ развитія бактерій, перенесенныхъ на нашу планету изъ другихъ міровъ подъ импульсомъ свѣтового давленія. Американскій біологъ Осборнъ (The Origin and Evolution of Life, 1918, стр. 49-50) замѣчаетъ по поводу этой гипотезы, что противъ нея говоритъ тотъ фактъ, что жизнь возникла на Землѣ одинъ разъ и въ опредѣленный періодъ, а не повторно; «отнюдь не мужественно искать рѣшенія вопроса о происхожденіи жизни въ космическомъ пространствѣ, а не въ силахъ и элементахъ нашей скромной планеты».

Съ другой стороны, *трансформизмъ, или теорія эволюціи организмовъ* не даетъ отвѣта на вопросъ о *происхожденіи* жизни; она объясняетъ только, какимъ образомъ жизнь, разъ она возникла, *развивается* отъ низшихъ ея формъ къ формамъ высшимъ. Ламаркъ усматривалъ въ самостоятельномъ самозарожденіи первое звено цѣпи органическаго развитія: «Наиболѣе простыя животныя и растенія возникли и еще нынѣ возникаютъ путемъ самозарожденія... Вначалѣ природа образовала и еще нынѣ она каждый разъ вначалѣ образуетъ наиболѣе простыя организованныя тѣла; только таковыя она образуетъ непосредственно, только первые зачатки организованной жизни»... Дарвинъ никогда не высказывался въ пользу самозарожденія, но онъ, напримѣръ, говорилъ: «Мнѣ хотѣлось бы чтобы самозарожденіе было доказано; это было бы капитальное открытіе». Натуралисты Гексли и Геккель видѣли въ самозарожденіи необходимое начало органическаго развитія въ опредѣленный геологическій періодъ жизни Земли.

Гипотеза самозарожденія была предметомъ оживленныхъ научныхъ споровъ, особенно во Франціи, въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Рѣшительнымъ противникомъ этой гипотезы былъ знаменитый Пастеръ. На сторонѣ Пастера были Мильнъ-Эдвардсъ, Клодъ Бернаръ, химикъ Дюма, Баларъ и большинство Академіи Наукъ. Теорію самозарожденія защищали біологъ Пуше, Жоли, Мюссе, Пенетье и другіе. Въ сущности, школа Пуше стояла на точкѣ зрѣнія происхожденія органической жизни не изъ мертвой матеріи, а изъ органическаго вещества живыхъ или умершихъ организмовъ, напримѣръ, при гніеніи и т. п. (hétérogénie, въ отличіе отъ génération spontanée). Въ 1864 году Академіею была назначена комиссія, для разрѣшенія спора между двумя сторонами. Пастеръ подавлялъ своимъ авторитетомъ, и комиссія была на его сторонѣ. Пуше и его сторонники требовали, чтобы имъ было предоставлено дѣлать свои опыты такъ, какъ они это считали нужнымъ. Комиссія имъ въ этомъ отказала. Тогда сторонники самозарожденія отказались принять участіе въ турнирѣ. Комиссія и Академія признали, что правъ Пастеръ, и теорія самозарожденія, казалось, была похоронена.

Въ дѣйствительности, дискуссія происходила въ условіяхъ, лишенныхъ гарантіи надлежащей объективности. Англійскій анатомистъ Ричардъ Овенъ сравнивалъ этотъ диспутъ съ другимъ знаменитымъ диспутомъ, нѣкогда имѣвшимъ мѣсто между Кювье и Жоффруа — Сентъ-Илеромъ, когда трансформизмъ, тоже казалось, былъ навѣки похороненъ. Религіозныя вліянія несомнѣнно тогда играли роль въ склоненіи чашки вѣсовъ общественнаго мнѣнія въ научномъ мірѣ въ сторону взглядовъ Пастера. Теорія самозарожденія ассоціировалась съ атеизмомъ и матеріализмомъ. Особенно усердствовалъ приверженецъ Пастера аббатъ Муаньо. Самъ Пастеръ говорилъ въ одной изъ своихъ лекцій: «Какое это было бы завоеваніе для матеріализма, если бы онъ могъ опираться на признанный фактъ самоорганизующейся матеріи!... Къ чему тогда идея создателя?».

Черезъ 30 лѣтъ знаменитый Дюкло признавалъ, что Пуше, Жоли и Мюссе были не менѣе правы, чѣмъ Пастеръ. Черезъ 40 лѣтъ Пенетье, ученикъ Пуше, могъ сказать, что вопросъ не былъ рѣшенъ Пастеромъ, и что онъ стоитъ во всей своей остротѣ. Нынѣ д-ръ Грассе, страстный гетерогенистъ, аттестуетъ всю работу Пастеровской комиссіи 1861 года, какъ «чистѣйшую комедію».

Пастеръ доказывалъ, что въ хорошо стерилизованной культурѣ никакіе зародыши не могутъ болѣе развиться. Грассе замѣчаетъ, что, когда опыты говорили, повидимому, противъ утвержденія Пастера, послѣдній приводилъ тотъ доводъ, что иныя бактеріи могутъ выдерживать весьма высокую температуру...

Какъ бы то ни было, въ настоящее время многіе видные біологи раздѣляютъ взглядъ, что Пастеръ не ликвидировалъ вопроса о самозарожденіи. Но возможность послѣдняго могла бы быть установлена только безспорными опытами созданія органической жизни безъ посредства живыхъ родителей. Тогда лабораторія была бы подражаніемъ природѣ.

Но что значитъ воспроизвести жизнь? Какъ опредѣлить сущность жизни? Нѣкогда Клодъ Бернаръ произвелъ очную ставку между всѣми научными опредѣленіями жизни, какія были даны его современниками. Картина разнорѣчія получалась весьма краснорѣчивая. Наименѣе спорное опредѣленіе жизни, предложенное самимъ Кл. Бернаромъ, гласило: *жизнь есть смерть*...

Воспроизвести жизнь значитъ воспроизвести существенные моменты жизни: органическое вещество, форму и структуру, отправленія.

Органическая химія сдѣлала колоссальные успѣхи въ синтезѣ веществъ, которыя нѣкогда считались монополіею химіи самихъ организмовъ. Въ послѣднее время усиліями Мура и Вебстера (1914 г.), а потомъ Бэли, Гейльброна и Баркера (1921 г.), удалось произвести синтетически изъ воды и угольной кислоты, подъ дѣйствіемъ свѣтовыхъ лучей съ короткою волною, но безъ всякаго катализатора, простые виды *сахара*. Потомъ, помощью ультра-фіолетовыхъ лучей и даже при содѣйствіи обычнаго свѣта, удалось ввести въ органическую молекулу *азотъ*, тоже пользуясь исключительно неорганическими матеріалами (1922 г.). Такимъ образомъ синтетически фабрикуется вещество, составляющее характеристическую основу жизни. Исходя изъ этихъ фактовъ, профессоръ Алленъ, на послѣднемъ конгрессѣ Британской Ассоціаціи для воспитанія наукъ, заявилъ, что нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что въ наши дни еще въ океанѣ образуется *органическое вещество*, безъ всякаго участія живыхъ существъ.

Съ другой стороны, цѣлый рядъ изслѣдователей силился воспроизвести искусственно, путемъ физико - химическихъ реакцій, форму и структуру организмовъ (*плазмогенезисъ, морфогенезисъ*). Таковы работы Дюгроше (1824 г.), Распайля (1825 г.), Бенетта (1840 г.), Парсонса и Мельсенса (1850), Траубе (1861-1867), Гаргинга (1871), Монье и Карла Фохта (1881 г.), Бючли (1884 г.) и Квинке (1902-1903 г.г.). Нѣкоторыми изъ этихъ изслѣдователей было получено подобіе клѣточнаго образованія. Р. Дюбуа манипулировалъ надъ кристаллами хлористаго барія и радія въ бульонѣ желатинной культуры. При этомъ были получены сферо - кристаллы, которые «рождались, питались, росли, сегментировались и умирали, снова превращаясь въ обычные кристаллы». Антисептическія вещества препятствовали ихъ развитію. Аналогичные опыты были сдѣланы въ 1905 году англійскимъ физикомъ Беркомъ.

Мексиканскій біологъ Эррера, работавшій съ 1889 года надъ искусственнымъ образованіемъ протоплазмы, пришелъ къ заключенію, что «всѣ организованныя формы являются результатомъ давленія и противодавленія», и что коллоидальные силикаты, получающіеся путемъ осажденія въ формѣ нерастворимой соли, составляютъ исходный пунктъ въ образованіи живой организованной матеріи. Нантскому профессору Стефану Ледюку удалось получить, методомъ осмотическаго давленія, формы и структуры, вполнѣ подобныя живымъ существамъ, напримѣръ, грибамъ и ракушкамъ. Наконецъ, д-ръ Чарльстонъ Бастіанъ, старый противникъ Пастера, получилъ въ стерилизованныхъ растворахъ силикатовъ и фосфатовъ организованныя формы, которыя онъ отождествлялъ съ микробами и ферментами дрожжей.

Такимъ образомъ былъ осуществленъ рядъ небезуспѣшныхъ попытокъ если не искусственнаго произведенія жизни, то систематическаго образованія элементовъ, характеризующихъ жизнь.

Исходя изъ послѣднихъ открытій, Алленъ, вслѣдъ за Черчемъ, построилъ цѣлую теорію возникновенія организмовъ въ морской водѣ изъ минеральныхъ веществъ и при содѣйствіи одной лишь физико - химической энергіи среды. Образо-

СВѢТЪ НАПРОТИВЪ

(Съ итальянскаго)

Это случилось какъ то вечеромъ, въ воскресенье, по возвращеніи съ долгой прогулки.

Туллію Бути снялъ эту комнатку мѣсяца два тому назадъ. Его хозяйка, синьора Біанки, добрая, старомодная старушка, и Клотильдина, дочь ея, достигшая возраста ночи каноническаго, никогда не видѣли жильца; обычно онъ уходилъ рано утромъ и возвращался подъ вечеръ; онѣ знали, что онъ служитъ по министерству юстиціи; знали также, что онъ имѣетъ званіе адвоката; — и все.

Ничего въ узковатой, скромно обставленной комнаткѣ не изобличало присутствія живого существа; казалось, что Бути преднамѣренно, съ обдуманной настойчивостью, проводилъ рѣшеніе жить здѣсь какъ чужой, будто въ номерѣ гостиницы. Онъ разложилъ, конечно, свое бѣлье по ящикамъ комода, повѣсилъ въ шкапъ кой-какую одежду; но помимо этого ничего; ничего на стѣнахъ, ничего на прочей мебели. Ни коробки, ни книжки, ни портрета. Никогда ничего на столѣ, ни вскрытаго конверта, ни развернутой газеты. Никогда на стульяхъ не оказывался какой-нибудь забытый предметъ, платокъ, галстухъ, который говорилъ: онъ здѣсь у себя, дома.

Біанки, мать и дочь, опасались, не живется у нихъ. Имъ стоило бы сдать эту коморку. Наемныя часы, но никто не соблазнялся. Да, по правдѣ, она была не такъ, чтобы удобна и ужъ никакъ не привѣтлива. Единственное окошко выходило въ переулокъ столь узенькій, что не пропускало ни воздуха, ни свѣта. Оно было словно экраномъ заслонено сосѣднимъ домомъ.

Мать и дочь рады были бы вознаградить такъ долго жданнаго, столь желаннаго жильца вниманіемъ, заботливостью. Онѣ придумали и заготовили нѣсколько такого рода знаковъ вниманія, пока комната пустовала. «Мы сдѣлаемъ то-то... мы скажемъ ему» — и все такое. Въ особенности же усердствовала дочка, Клотильдина; она подобрала цѣлую уйму премилыхъ выдумокъ, очаровательныхъ любезностей: такъ, совсѣмъ запросто, безъ заднихъ мыслей, не навязываясь, не рискуя наскучить.

И все напрасно: *онъ никогда не показывался*.

Быть можетъ, знай онѣ его лучше, онѣ поняли бы, сколь неосновательна была ихъ тревога. Коморка эта, мрачная, темная, задавленная домомъ, что напротивъ, какъ нельзя лучше отвѣчала праву своего обитателя.

По улицѣ Туллію всегда шелъ одинъ; съ нимъ не было даже обоихъ спутниковъ, съ которыми не разстается и самый замкнутый нелюдимъ: сигары и трости. Онъ шагалъ глубоко засунувъ руки въ карманы пальто, уйдя головою въ плечи, насмерщивъ брови, надвинувъ шляпу на носъ; казалось, онъ взиралъ на жизнь съ ожесточенной горечью.

Въ присутствіи онъ не обмѣнивался ни единымъ словомъ съ сослуживцами, и тѣ еще не рѣшили, какая кличка ему будетъ болѣе къ лицу: сыча или медвѣдя.

Никто никогда не видывалъ, чтобъ онъ зашелъ вечеркомъ въ кофейню; зато было замѣчено не разъ, что онъ удаляется отъ наиболѣе людныхъ улицъ и исчезаетъ въ сумракѣ длинныхъ, пустынныхъ улицъ окраины, держась подальше отъ стѣнъ, чтобъ обойти полосы свѣта, бросаемыя фонарями на тротуаръ. Ни одинъ невольный жестъ, никакое искаженіе черты, ни малѣйшее движеніе взгляда или рта не выдавали поглощавшихъ его видимо мыслей, темной муки очевидно терзавшей его. Но тайная эта печаль, скорбные помыслы, обитавшіе за этимъ лбомъ были явственно выражены во всемъ его обликѣ. Опустошенность этой души сказывалась съ очевидностью и въ страдальческой устремленности свѣтлыхъ, острыхъ глазъ и въ блѣдности исхудалаго лица и въ преждевременной сѣдинѣ, проступавшей въ длинной, запущенной бородѣ.

Туллію Бути никогда не писалъ и никогда не получалъ писемъ; онъ никогда не читалъ газетъ. Что бы ни произошло на улицѣ, вызывая любопытство толпы, онъ не останавливался и никогда не оборачивался, чтобъ выяснить, въ чемъ дѣло. А когда, случалось, дождь захватывалъ его врасплохъ, онъ продолжалъ свой путь какъ ни въ чемъ ни бывало, не ускоряя шага.

Что собственно онъ дѣлалъ въ жизни, этого не зналъ никто. Не зналъ, пожалуй, и онъ самъ. Онъ покорно несъ жизнь. Онъ, быть можетъ, и не подозрѣвалъ, что можно нести ея бремя иначе или что, живя иначе, можно было бы облегчить гнетъ скуки и тоски.

У него не было дѣтства; онъ не бывалъ молодъ, нѣтъ, никогда. Дикія сцены, при которыхъ онъ присутствовалъ съ самаго нѣжнаго возраста, вызванныя грубостью и свирѣпой тираніей его отца, опалили въ немъ всѣ ростки жизни.

Послѣ смерти матери, загубленной еще совсѣмъ молодой страшными истязаніями мужа, семья распалась: одна изъ сестеръ ушла въ монастырь; братъ отправился въ Америку. Самъ онъ покинулъ отчій домъ, скитался. Цѣпою неимовѣрныхъ усилій ему удалось дотянуться до занимаемаго имъ положенія.

Теперь онъ болѣе не страдалъ. То *казалось*, что онъ страдаетъ: на самомъ дѣлѣ самая способность къ страданію отмерла въ немъ. Онъ всегда казался поглощеннымъ мучительными размышленіями; но нѣтъ, онъ больше и не мыслилъ вовсе. Мысль его словно пребывала погруженной въ нѣкій смутный ужасъ, который доходилъ, — едва доходилъ, — до его сознанія, когда что-то какъ бы схватывало его за горло. Когда онъ бродилъ, вечерами, по пустыннымъ улицамъ, онъ считалъ фонарные столбы; только и всего; или онъ слѣдилъ за собственною тѣнью; или еще прислушивался къ шуму своихъ шаговъ. Иногда, онъ останавливался у ограды виллы и созерцалъ кипарисы, какъ и онъ замкнутые и темные, болѣе ночные, тѣмъ самая ночь.

Такъ вотъ, въ воскресенье это, утомленный длительной прогулкой по віа Аппіа, онъ, противъ обыкновенія, рѣшилъ пойти домой. Ужинать было еще рано. Лучше было переждать въ комнатѣ, пока спустится вечеръ и настанетъ время поѣсть.

Что за пріятный сюрпризъ для Біанки, матери и дочери! Клотильдина, внѣ себя, хлопала въ ладоши! Какую же изъ тщательно обдуманныхъ, затверженныхъ любезностей, какой изъ особенныхъ, давно намѣченныхъ знаковъ вниманія, примѣнить для почина? Долгое совѣщаніе между матерью и дочерью! Но вотъ Клотильдина топаетъ ножкой, ударяетъ себя по лбу. Господи, Боже мой! А лампа! Лампа! Вѣдь первымъ дѣломъ надо было снести ему лампу, лучшую, спеціально на этотъ предметъ заправленную, ту, фарфоровую съ маками и съ матовымъ колпакомъ. Она зажгла ее, робко постучалась въ дверь постояльца. Она такъ трепетала отъ волненія, что колпакъ закачался, задѣвая стекло, которое вѣдь могло закоптѣть.

— Можно къ вамъ? Я лампу...

— Нѣтъ, благодарствуйте, — отвѣчалъ изъ-за двери Бути, — я выхожу сейчасъ.

Старая дѣва замешалась и опустила глаза, какъ будто живецъ могъ ее видѣть; она настаивала:

— Да вѣдь вотъ она, здѣсь, я приготовила... Не сидѣть же вамъ въ темнотѣ.

Бути рѣзко повторилъ.

— Спасибо... Не надо.

Онъ сидѣлъ на диванчикѣ, позади стола, широко раскрылъ впеременные во мракъ глаза. Тѣнь все болѣе сгущалась въ коморкѣ, межъ тѣмъ, какъ въ окнѣ изнывалъ печально послѣдній предзакатный свѣтъ.

Сколько просидѣлъ онъ такъ, безъ движенія, съ широко раскрытыми глазами, не думая ни о чемъ, забывъ о сумеркахъ, уже одѣвшихъ его своимъ саваномъ?

Внезапно все освѣтилось...

Въ изумленіи сталъ онъ озираться, не понимая, нужно ли сосредоточить его комната вдругъ освѣтилась, освѣтилась ровнымъ, мягкимъ, какъ таинственное дыханіе свѣтомъ. Съ чего бы это? Что случилось?

Ахъ да... Свѣтъ напротивъ. Въ домѣ напротивъ только что зажгли лампу; донеслось дуновеніе чужой жизни, чтобъ озарить мракъ, скуку, пустыню его существованія...

Онъ замеръ и долго вглядывался въ это сіяніе, какъ въ нѣчто волшебное, и несказанная тоска сжала его горло, когда онъ замѣтилъ, съ какою нѣжностью свѣтъ ложился на кровать, на стѣну, а потомъ и на блѣдныя руки его, лежащія на столѣ. И вотъ изъ этой тоски вдругъ возникло воспоминаніе о разрушенномъ очагѣ, объ угнетенномъ дѣтствѣ, о матери его; и словно отсвѣтъ зари, далекой зари воссіялъ въ ночи его души. Онъ поднялся, подошелъ къ окну, и, крадучись, изъ-за стеколъ, заглянулъ туда, въ сосѣдній домъ, въ окно, откуда лился къ нему свѣтъ.

Онъ увидѣлъ небольшую семью, собравшуюся за столомъ; троихъ дѣтей, отца, уже сѣвшаго за ужинъ. Мать же, стоя, прислуживала имъ и старалась,—онъ понялъ это по ея жестамъ — унять нетерпѣніе обоихъ старшихъ, размахивавшихъ ложками и ерзавшихъ на стульяхъ. Меньшой вытягивалъ шею; моталъ бѣлокурой головой; видно, ему слишкомъ туго завязали салфетку: но если бы мама поскорѣе налила ему супа, онъ бы и не почувствовалъ никакого неудобства отъ слишкомъ сильно затянутаго узла. Да такъ оно и есть! Съ какою жадностью принялся

„Volja Rossii"